

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₇₎

осень — зима

2012

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения
академика И.А. Орбели

<i>И.Ф. Попова.</i> И.А. Орбели в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР	5
<i>Ж.С. Мусаэлян.</i> И.А. Орбели и курдская филология	15

ПУБЛИКАЦИИ

Танский политический трактат из Дуньхуана. Предисловие и перевод с китайского языка <i>И.Ф. Поповой</i>	22
Документы из Хара-Хото о займе зерна. Предисловие и перевод с тангутского языка <i>Е.И. Кычанова</i>	38
<i>Аракава Синтаро.</i> О рисунке тангутского «камнемета», хранящемся в ИВР РАН	44
<i>Самань куварань-и битхэ</i> («Шаманский двор»). Перевод с маньчжурского языка и предисловие <i>Т.А. Пан</i>	52

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>О.М. Чунакова.</i> Парфянские личные имена: семантика и структура	65
<i>А.Л. Хосроев.</i> К толкованию некоторых понятий в так называемом «Трехчастном трактате» (<i>Nag Hammadi Codex I.5: 109.21–110.22</i>)	75
<i>З.А. Юсупова.</i> Письменные памятники как источник изучения курдского языка: «Диван» Ранджури (на диалекте горани)	96
<i>Ж.С. Мусаэлян.</i> Курдская рукопись середины XIX в. из Архива Востоковедов ИВР РАН	115
<i>Ю.А. Иоаннесян.</i> Божественное созидательное начало в авраамических религиях	133
<i>В.Ю. Шелестин.</i> Паритетные договоры царей Кишцувадны	156
<i>Вэй Ин-чунь.</i> О фрагменте Дх-234 российской дуньхуанской коллекции (перевод с китайского языка <i>И.Ф. Поповой</i>)	183

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- О.П. Щеглова.* Роль книготорговцев в развитии литографского книгоиздания (XIX — первое десятилетие XX в.) 195
- Д.Г. Кукеев.* О некоторых современных направлениях историографии истории Джунгарского ханства 210
- М.А. Мусаев, Ш.Ш. Шихалиев.* Чудесные деяния святых в арабоязычных суфийских биографических сочинениях дагестанских шейхов начала XX века 218
- П.С. Тентюк.* «Законоведная макама» ал-'Аббаса по рукописи В 66 из собрания ИВР РАН 233
- А.М. Кабанов.** Влияние китайской культуры на средневековую Японию (на примере дзэн-буддийской поэзии) 241

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- К.М. Богданов.* Каталогизация материалов фонда тангутских рукописей и ксилографов ИВР РАН: история, проблемы, перспективы работы 269
- К.Г. Маранджян.* Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937): к портрету «культурного бродяги» 281
- С.И. Марахонова.* Востоковед Сергей Елисеев в Гарварде в 1932–1957 гг. 304
- А.Я. Борисов, А.П. Рифтин, Н.В. Юшманов.* История кафедры семито-хамитской филологии (Музей истории СПбГУ. Ф. ФИК, д. 127, лл. 52–67). Предисловие и публикация *Г.Х. Каплан* 315

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- О.М. Чунакова.* Международный симпозиум, посвященный 125-летию со дня рождения академика Иосифа Абгаровича Орбели 327
- И.В. Кульганек.* Пятая научно-практическая конференция: «Путешествия на Восток–2011» 331
- А.Х. Юлгушева.* XXXIV ежегодная сессия петербургских арабистов 334
- В.П. Иванов.* XXXIII Зографские чтения. Проблемы интерпретации традиционного индийского текста (16–18 мая 2012 г., Санкт-Петербург) 337
- Ю.В. Болтач.* Пятые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир» (13–15 июня 2012 г. Санкт-Петербург) 340
- Н.О. Чехович.* Выставка из собрания акад. Николая Лихачева 343
- На четвертой стороне обложки: Документ из Дуньхуанской коллекции ИВР РАН (к статье Вэй Ин-чунь) *И.Ф. Попова.* Международная конференция «Тангуты и Центральная Азия» 345

РЕЦЕНЗИИ

- Yuriy Malikov.* Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. (*И.В. Герасимов*) 348
- Индийская философия: Энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. (*С.Л. Бурмистров*) 353
- Философия буддизма: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. (*М.И. Воробьева-Десятовская, Е.П. Островская*) 357

IN MEMORIAM

- Анаит Георгиевна Периханян (1928–2012) (*О.М. Чунакова*) 364

Ж.С. Мусаэлян

И.А. Орбели и курдская филология

В многогранной научной деятельности академика И.А. Орбели (1887–1961) значительное место занимало курдоведение. Интерес к курдам возник у него в 1911 г. в Моксе (Турция), куда он был командирован Академией наук для сбора диалектологических материалов армянского языка. Изучив моксское наречие курдского языка, И.А. Орбели составил обширный словарь, характеризующий это наречие с точки зрения его лексического, фонетического и грамматического своеобразия. Уделяя большое место курдской культуре, он разбирал вопрос заимствования и взаимопроникновения литературных сюжетов Запада и Востока. На протяжении всей своей жизни он неоднократно в своих статьях и выступлениях возвращался к памятнику XVII в. классической курдской литературы — поэме Ахмеда Хани «Мам и Зин». В статье отражены преподавательская деятельность И.А. Орбели на факультете восточных языков Петербургского университета, работа над составлением курдского алфавита и другие аспекты его курдоведческих изысканий.

Ключевые слова: курдско-русский словарь, курдский алфавит, поэма «Мам и Зин» Ахмеда Хани.

Выдающийся ориенталист и кавказовед академик Иосиф Абгарович Орбели внес большой вклад в изучение курдской культуры и по праву считается одним из основоположников отечественного курдоведения.

Интерес к курдам возник у И.А. Орбели еще в 1911 г., когда он после окончания СПб университета по рекомендации Н.Я. Марра был командирован Академией наук в Ван и Мокс для сбора диалектологических материалов (изучения моксского наречия армянского языка).

В то время население Мокса состояло из армян и курдов (мусульман-суннитов). Долгое время И.А. Орбели жил в доме курдского правителя Мокса Мурталлы-бега и имел возможность наблюдать повседневную жизнь курдов, их нравы и обычаи, знакомиться с богатым курдским фольклором. «Живу в доме мудира (участкового пристава), курдского бея — одного из немногих защитников армян во время резни и большого русофила. Я редко видел более симпатичного и красивого старика. А главное, он изумительно культурный, хотя дальше Вана никогда не ездил. Относится ко мне прекрасно», — писал он из Мокса родителям в начале сентября 1911 г. (Юзбашян, 1986, с. 29).

С первого же знакомства с курдами, их обычаями, обрядами, языком, фольклором И.А. Орбели проникся к этому «замолченному историей народу», — как писал Н.Я. Марр (Марр, 1912, с. 117), — самой горячей симпатией и любовью, которую он пронес через всю свою жизнь. «Удивительное совпадение в характере и манере произношения звуков в армянском и курдском языках, а также наличие значительного числа курдских слов и выражений в армянском убедили меня уже во время первой поездки в Мокс в необходимости до возвращения в Россию ознакомиться с моксским

наречием курдского языка, без чего описание мохского армянского было бы далеко не полно» (Орбели, 1982, с. 42).

Завершив основные работы по изучению армянского наречия, Иосиф Абгарович занялся изучением курдского языка в Ване, где проводил зиму, а по прибытии в Мокс в конце апреля 1912 г. продолжил в течение 10 недель изучение мохского наречия курдов. Его информаторами были курды, владевшие армянским языком, так что исследователь непосредственно общался с ними. «Я воспринимал курдские слова в произношении курда, а не армянина, говорящего по-курдски», — писал И.А. Орбели. «Мой главный учитель курдского языка, курд Али-ага, сын Юсыф-аги из рода далан, удивительно симпатичный, веселый и остроумный старичок, кстати, искренне любимый всеми армянами. Всем тем немногим, что мне удалось сделать для изучения курдского языка, я обязан ему» (Орбели, 1963, с. 191).

В Моксе Иосиф Абгарович записал курдские тексты, составил обширный курдско-русский словарь северо-западного диалекта курдского языка (курманджи) объемом 15 авт. л. Словарь содержит материалы, характеризующие мохский говор с точки зрения его лексического, фонетического и грамматического своеобразия. Вместе с тем в словаре можно обнаружить множество слов, не учтенных ни в одном из имеющихся в настоящее время словарей. Кроме того, словарь отразил интерес автора не только к духовному богатству курдов, к их семейному укладу, социальным отношениям, но и к труду курдского народа, к предметам материальной культуры. Со знанием дела, тщательно обследованы жилище курда, детали здания, очаг, предметы домашнего обихода, ткацкий станок, мельница, крупорушка, отмечены термины скотоводства, земледелия и т.д.

Многие словарные статьи представляют собой небольшие этнографические описания, а сам словарь в целом дает самые разнообразные сведения из жизни курдов Мокса, которые через 2–3 года после записи И.А. Орбели стали достоянием истории (в результате резни 1915 г. местное население было почти полностью уничтожено и Мокс обезлюдел).

Иосиф Абгарович несколько раз возвращался к словарю, готовил его к публикации, но словарь так и не увидел свет при его жизни. Подготовленный к печати в 1964 г. сотрудниками Группы курдоведения Ленинградского отделения Института востоковедения И.И. Цукерманом и Ж.С. Мусаэлян, словарь был издан в Ереване лишь в 2002 г.

К 1913 г. относится работа И.А. Орбели над составлением курдского алфавита. Дело в том, что курдская просветительная организация из г. Хойя прикомандировала в Петербург своего представителя Абдаррезака с просьбой помочь составить для курдов простой и доступный алфавит, который помог бы быстрейшему распространению образования и грамотности среди народа. Академия наук поручила разработку курдского алфавита Иосифу Абгаровичу. Алфавит был составлен на основе армянской графики, на базе которой первоначально был подготовлен и курдско-русский словарь. Позже И.А. Орбели составил новый алфавит на основе русской графики, осложненной дополнительными знаками. В работе над составлением так и не увидевшей свет хрестоматии, содержащей фольклорные тексты, Иосиф Абгарович пользовался латинским алфавитом, считая его наиболее целесообразным для курдской письменности. В 1928 г. И. Марагулов по предложению Иосифа Абгаровича составил новый курдский алфавит на основе латинской графики, на котором в 30-х гг. издавалась литература курдов Советской Армении. Также и подготовители словаря к печати, руководствуясь соображениями научного и практического характера, приняли решение о фонемной транслитерации курдского текста словаря латиницей, приня-

той в настоящее время зарубежными курдами, с сохранением транскрипции И.А. Орбели — в той форме, которую она приняла в последней рукописи автора, подготовленной к машинописи в 1956 г.

В 1914 г. И.А. Орбели начинает еще одно направление своей курдоведческой деятельности — преподавание на Факультете восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета курдского языка и курдской этнографии. В 30-х гг. у Иосифа Абгаровича учились ставшие впоследствии известными курдоведами К.К. Курдоев, И.И. Цукерман, Ю.Ю. Авалиани. К.К. Курдоев не раз вспоминал, каким прекрасным преподавателем и духовным наставником был Иосиф Абгарович.

Еще будучи в Моксе, слушая и записывая яркий и образный курдский фольклор, Иосиф Абгарович высоко оценил духовную культуру народа. Подчеркивая свою веру в творческие силы и талант курдов, он писал: «Тем, кому известна курдская народная поэзия, кому знакома курдская сказка, кто хоть раз слышал курдскую песню, равно близкую душе курдов и их извечных соседей — армян, певших курдские песни даже в те периоды острой взаимной вражды, когда, казалось бы, должен был наступить полный духовный разрыв; всем тем, кому хоть немного знаком яркий, образный язык курдской сказки и девственный даже в чувственности, язык курдской любовной песни, должно быть понятно, как много нового, свежего, яркого могут внести в сокровищницу восточной поэзии курды» (СПФ АРАН, ф. 909, оп. 1 (О курдском словаре)).

В Моксе Иосиф Абгарович услышал сказание «Мам и Зин» (в архиве И.А. Орбели хранится записанный им во время его пребывания в 1927 г. в курдских районах Армении текст сказания) (СПФ АРАН, ф. 909, оп. 1, ед.хр. 264), в Моксе он впервые услышал об Ахмеде Хани — выдающемся поэте XVII в. (Рукописей поэмы Ахмеда Хани «Мам и Зин» он не видел.) Тем не менее на основании тех небольших отрывков из поэмы, услышанных в исполнении курдских певцов и сказителей, И.А. Орбели интуитивно понял величие Ахмеда Хани, сделал настолько верные выводы о его поэтическом таланте, что до сих пор ни одно исследование, основанное на тщательном изучении источника, не обходится без того, чтобы не учитывать и не опираться на высказывания И.А. Орбели.

В начале XX в. сведения о существовании курдских письменных памятников были настолько скудны, что ученые (в первую очередь на Западе, например, Катремер, Т. Нёльдеке) сочли возможным отрицать наличие всякой культуры у курдского народа. Отдельные ученые (например, Драйвер) вслед за ними провозгласили курдов народом не только не способным к созданию национальной письменной литературы, но и не проявившим никакого интереса к культуре и литературе других народов.

Нельзя не сказать, что сами курды издавна проявляли интерес к памятникам своей литературы, однако сведений сохранилось мало, и относятся они к позднему периоду. Первое издание, содержащее отдельные стихи Ахмеда Хани, появилось в Стамбуле в 1897 г. Там же в 1921 г. была опубликована поэма Ахмеда Хани «Мам и Зин», но по приказу турецкого правительства издание было уничтожено. В 1947 г. в Алеппо, а в 1954 г. в Эрбиле осуществлены еще две публикации «Мам и Зин» — печатное воспроизведение одной из рукописей поэмы; отрывки поэмы публиковались в журналах «Хавар» и «Гелавез», но эти издания были малодоступными. И все же, как говорил известный поэт Горан, история курдской литературы оставалась «нетронутой целиной».

В это же время было немало ученых (В. Диттель, М. Хартман, П. Лерх, А. Жаба, Э. Сон, А. Лекко, Р. Леско, В.Ф. Минорский, В.П. Никитин, Н.Я. Марр и, конечно, И.А. Орбели), знавших о существовании курдских письменных памятников и утверждавших, что курдский народ обладает оригинальной, самобытной литературой. Од-

нако первое мнение настолько возобладало, что отдельные ученые продолжали разделять его и в 50-х гг. XX в. Поэтому Иосиф Абгарович не раз в своих выступлениях считал своим долгом останавливаться на этом важном вопросе.

Курдская литература не заняла положенного ей по праву места в ряду литератур Ближнего Востока и Закавказья прежде всего в силу исторических условий, складывавшихся не в пользу курдов, не имевших своего государства и в течение многих веков вынужденных отражать натиск соседних держав — Ирана и Турции. По словам И.А. Орбели, «курдский народ растерял своих сынов под обличаем персов, турок, арабов, армян, растерял сынов, имена которых в качестве имен славных полководцев, поэтов и музыкантов украшают историю других народов». Немало открытий предстоит сделать ученым, чтобы вернуть курдам славные имена деятелей науки, культуры и искусства, выступавших в истории Востока от лица других народов, «раскрыть, — как говорил Иосиф Абгарович, — роль курдов в образовании целого ряда новых направлений культуры среди армянского, грузинского, персидского народов... Кому приходит в голову, что причинивший так много огорчений крестоносцам Саладин — курд, что славные в истории Армении и Грузии, славные не только как полководцы, но и как строители культуры князья Долгорукие — курды по происхождению, что курдами были и соперничавшие с Грузией в борьбе за сложение государственности на Кавказе и правившие в Иране Шеддадиты, что наполовину курдом был писавший по-персидски великий поэт Низами» (Орбели, 1963, с. 574). Поэтому И.А. Орбели призывал не молчать, а во всеуслышание говорить о несправедливости той оценки, которая на протяжении во всяком случае десяти веков давалась курдскому народу, его культуре, способности к развитию культуры: «Это необходимо учитывать, ибо на этом фоне еще больше вырастает фигура Ахмеда Хани», а его поэма говорит «об изысканности и возвышенности духовной культуры курдского народа» (СПФ АРАН, ф. 909, оп. 1, ед.хр. 333, л. 7, 10).

Поэмой «Мам и Зин» И.А. Орбели интересовался на протяжении всей своей жизни и в своих статьях и выступлениях неоднократно возвращался к этому памятнику курдской классической литературы. Выступая на защите кандидатской диссертации М.Б. Руденко в 1954 г., И.А. Орбели говорил: «К Ахмеду Хани мои личные симпатии росли и множились уже на протяжении 43 с лишним лет, и я рад, что дожил до того дня, когда поэма Ахмеда Хани значится как тема кандидатской диссертации в Академии наук». И далее: «В истории литературы Востока очень немного литературных произведений, написанных давно, написанных за много веков до нас, в которых в такой мере выражены были бы национальные черты, национальные и народные устремления и формулировка высших основ этики данного народа. У Ахмеда Хани как раз эта сторона звучит очень ярко, изумительно воспета. Вы можете мне сказать, что не только у Ахмеда Хани. Вы можете сказать, что в значительной мере эти же мысли выражены в «Витязе в барсовой шкуре» Руставели, где он говорит о дружбе. Тем лучше. Значит, эти черты свойственны и курдскому народу и некурдскому, но которые с такой ясностью и четкостью выразил только Ахмед Хани. Другого примера из литературы я вспомнить не могу» (СПФ АРАН, ф. 909, оп. 1, ед.хр. 333, л. 3, 9–10).

На редкость образованный для своего времени человек, Ахмед Хани владел персидским, арабским, турецким, хорошо знал поэтику, философию, богословие, разбирался в политической и социальной жизни страны. Он переживал за свою пограничную родину, страдал, что курды теряют своих сыновей в чуждых им войнах между Ираном и Турцией, терзался, что вражда раздирает курдские племена, что они не могут поэтому совместно отстаивать интересы родины. На свои средства Ахмед Хани построил медресе, где собирался учить детей. Он глубоко верил в талант и творческие

силы своего народа. Велика заслуга Ахмеда Хани в возвышении курдского языка, в стремлении придать ему литературную форму, поставить его рядом с персидским, арабским и турецким, чтобы курдская литература получила широкое признание.

В связи с этим И.А. Орбели говорил: «...Один из величайших поэтов человечества Ахмед Хани замечательно указал на то, почему он считал своим долгом написать поэму на курдском языке. Эти слова Ахмеда Хани каждый из нас, кто занимается курдами, обязан помнить всегда. Он сказал, что мог бы написать свою поэму и на персидском, и на арабском языке для того, чтобы ее могли все читать, но он ее написал на курдском языке, чтобы люди не говорили, что курдам не свойственна культура» (СПФ АРАН, ф. 909, оп. 1, ед.хр. 294, л. 22).

И.А. Орбели первый оценил и определил художественное и идейное значение поэмы Ахмеда Хани «Мам и Зин», подчеркивал, что она создана на основе оригинального курдского фольклорного сюжета, отмечал теснейшую глубокую и органичную связь литературы с фольклором, взаимопроникновение литературы и народного творчества. Говоря о народности поэмы Ахмеда Хани, нельзя не вспомнить высказывание И.А. Орбели: «Когда думаешь о народности поэта, о слиянии поэта с возрастившим его народом, невольно напрашивается сравнение трех великих поэтов Востока — иранца Фирдоуси... грузина Руставели,.. и курда Ахмеда Хани, всеми, кроме курдов, забытого, вернее, всем, кроме курдов, неизвестного, но в среде своего народа бесспорно добывшего права на определение „народный“» (Орбели, 1963, с. 572).

Разбирая вопрос заимствования и взаимопроникновения литературных сюжетов Запада и Востока, Иосиф Абгарович сделал интересное наблюдение, касающееся французского романа XIII в. «Тристан и Изольда» Готфрида Страсбургского и курдской поэмы «Мам и Зин». «Ахмед Хани слагал свою изумительную по красоте поэму о любви витязя Мама к прекрасной Зин, о не знающей границ верности его побратима Каратаждина, не измышляя темы рассказа. Рассказ сложился в курдской народной среде за много веков до Ахмеда Хани, за столетия до того, как далеко на западе, на берегах Атлантического океана, сложились первые сказы о схожей с судьбой Мам и Зин судьбе Тристана и Изольды». И далее И.А. Орбели обращает внимание на концовку этих произведений: «...между романами „Мам и Зин“ и „Тристан и Изольда“ имеется точка соприкосновения, которую отметил еще в свое время А.Н. Веселовский. Речь идет о погребении Тристана и Изольды и о произрастании куста из земли между их телами. Эта деталь казалась А.Н. Веселовскому характерной для кельтской среды. Между тем в курдском романе о Маме и Зин, там, где речь идет о погребении рыцаря и княжны, описывается, как над ними наклонился (убитый затем побратимом Мама) злой Бакыр Маргавер, и как одна капля крови его упала между телами Мама и Зин, и как из этой капли вырос терновый куст, который разлучил их. (Этот же эпизод встречается, между прочим, в ягнобском фольклоре.) Таким образом, кельтский куст, — заключает Иосиф Абгарович, — в сходных условиях произрастает в горном Курдистане и в далекой Средней Азии. Нельзя, конечно, на одном ручейке и на одном кусте строить сопоставление такого замечательного произведения, как „Тристан и Изольда“, с рассказом о Маме и Зин, но эти детали заставляют очень сильно задуматься...» (Орбели, 1965, с. 114).

Описывая масленичные игры, проводившиеся в Моксе, И.А. Орбели отмечает любопытную подробность — «появление в качестве двух молодых девушек двух передетых парней, учитывая позорность на Востоке для мужчины такого переряженья в любое иное время и в любой иной обстановке. Эта подробность масленичной игры заставляет вспомнить встречающийся в поэме „Мам и Зин“ Ахмеда Хани эпизод,

становящийся завязкой романа, когда красавица Зин со своей подругой появляются на празднике одетыми как юноши, а юный Мам и его побратим — в облике девушек» (Орбели, 1982, с. 53).

Не раз И.А. Орбели подчеркивал, что «далеко не все народы Востока могут гордиться таким высоким культурным достижением, каким является поэма Ахмеда Хани, написанная 300 лет тому назад», что «Ахмед Хани больше чем великий поэт курдского народа. Для миллионов курдов в самых различных концах той обширной территории, где они живут, Ахмед Хани является культурным знаменем, его именем почти клянутся. Об этом спокойно говорить нельзя» (СПФ АРАН, ф. 909, оп. 1, ед.хр. 333, л. 8, 11).

И.А. Орбели с большим удовольствием выступал в качестве главного оппонента на защитах курдоведческих работ. Особую радость доставила ему диссертация М.Б. Руденко «Поэма курдского поэта XVII в. Ахмеда Хани „Мам и Зин“». Впервые в мире поэма была переведена на другой язык, и этим языком стал русский. Поистине находкой оказалась обнаруженная М.Б. Руденко в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека) коллекция курдских рукописей, собранная в середине XIX в. русским ученым и дипломатом А.Д. Жабой. В ней находились и девять рукописей поэмы Ахмеда Хани «Мам и Зин», которые И.А. Орбели безуспешно искал всю свою жизнь.

И.А. Орбели мечтал, чтобы текст поэмы «Мам и Зин» с переводом издать отдельной маленькой книжечкой, чтобы эта книжечка стала настольной или карманной для многих тысяч курдов не только в нашей стране, но и за рубежом. И свою книгу «Мам и Зин», вышедшую в 1962 г., М.Б. Руденко посвятила светлой памяти И.А. Орбели.

Хорошо зная трагическую историю курдского народа, Иосиф Абгарович стремился делать все, чтобы культура курдов заняла достойное место в ряду культур других народов Востока. Часто в своих выступлениях он затрагивал вопросы, связанные с курдским культурным наследием, с курдской средневековой литературой. Неоценима его помощь в организации издания газеты «Рийа таза» в Ереване; тепло и внимательно относился он к молодежи, заботился о подготовке курдоведческих кадров. В архиве М.Б. Руденко сохранилось письмо И.А. Орбели, в котором он просит издательство художественной литературы поддержать инициативу молодого ученого (М.Б. Руденко еще в студенческие годы записала курдские сказки и подготовила их перевод), поскольку весь этот интереснейший материал совершенно незнаком широкому кругу русских читателей и его издание порадует миллионы зарубежных курдов самим фактом проявления внимания к культурному наследию курдского народа.

Прекрасный организатор науки, создатель Ленинградского отделения Института востоковедения, И.А. Орбели основал в 1959 г. под своим руководством первый в истории отечественной и мировой науки Курдский кабинет, сотрудники которого и по сей день занимаются комплексным изучением курдской культуры. Курдоведы как заповедь помнят слова И.А. Орбели, сказанные им в 1953 г. на защите кандидатской диссертации Т.Ф. Аристовой: «Ни на какой другой науке не лежит такой большой долг в отношении изучения курдов, как на науке советской, и потому, что советская наука является достойной преемницей русской науки (а в изучении курдов большая часть работы выполнена русскими учеными), и потому, что ниоткуда курды, особенно зарубежные, не могут ожидать такой большой, щедрой и бескорыстной помощи в изучении их культуры, их языка и их выхода на большую арену государственной независимой жизни, как от русской науки» (СПФ АРАН, ф. 909, оп. 1, ед.хр. 294, л. 19).

Список сокращений

ВИ — Вопросы истории. М.

ЗВОИРАО — Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб.

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский Филиал Архива Российской академии наук.

Литература

Ахмед Хани. Мам и Зин. Поэма / Крит. текст., пер., предисл. и указ. М.Б. Руденко. М., 1962.

Март Н.Я. Еще о слове челеби (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии) // ЗВОИРАО. 1912. Т. 20. С. 99–151.

Орбели И.А. Восток и Запад в XII–XIII вв. // ВИ. 1965, № 6.

Орбели И.А. Избранные труды. Ереван, 1963.

Орбели И.А. Курдско-русский словарь / Подготовка рукописи к печати и введение Ж.С. Мусаэлян и И.И. Цукермана // Избранные труды. Т. II, вып. 2. Ереван, 2002.

Орбели И.А. Фольклор и быт. М., 1982.

Руденко М.Б. Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961.

Юзбащян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. Изд. 2-е, доп. М., 1986.

Summary

Zh.S. Musaelyan

I.A. Orbeli and Kurdish Philology

Kurdish philology occupied an important part in the scholarly life of Academician I.A. Orbeli (1887–1961). His interest in the Kurds originated in 1911 in Moks (Turkey) where he was sent by the Russian Academy to collect data on Armenian dialects. As a result of that work, I.A. Orbeli compiled a big dictionary of the Moksa dialect of the Kurdish language and described its lexical, phonetic and grammatical characteristics. He paid great attention to the study of Kurdish culture, borrowings and interconnections of literary subjects between East and West. During all his life I.A. Orbeli returned in his lectures and articles to the poem by Ahmed Hani *Mam and Zin*, the 17th century monument of the classical Kurdish literature.

The article above deals with the teaching activities of I.A. Orbeli at the Department of Oriental Languages of the Saint-Petersburg University, his work on the Kurdish alphabet, as well as with other aspects of his Kurdish studies.